

Главное — производить счастье...
создавать что-то прекрасное (не шучу)...
Но российская жизнь так часто сбивает
с меня лучи солнца, тоска сдавливает...
И тогда отлетают «хоры сладкие Орфея»...
Но возвращаются вскоре.

Белохожие уральские ню, больше в мире таких нет ни у одного художника. Про некоторых ню муж говорит: — Ничего, сойдут для подарков во время запредельных пьянок, когда уже никто ничего не чувствует...

Нина, ваши книги выходят в центральных издательствах, переведены на иностранные языки. Но около 20 лет назад вы начали писать картины. Для чего вам, состоявшемуся уже писателю, понадобилась ещё и живопись?

— У меня была приёмная дочь Наташа. Она была очень трудной — мы взяли её в шесть лет, и она совершенно не поддавалась никакому перевоспитанию. Она воровала, врала, дралась — это был кошмар. В первом классе она украла у соседки шоколадку. Гениальная учительница сказала, что поведёт её на рентген и рентген всё покажет. Дети ей поверили, и Наташа созналась. Единственное, что её могло дисциплинировать, — это рисование. Она хорошо рисовала, и мы её хвалили, а если не хвалили, то она понимала, что дело плохо и пора браться за ум. Я писала с ней вместе шесть лет.

Наташины картины пользовались большим успехом: ей дарили за них то

пальто, то шубку, то шапку. В общем, девочка сама себя одевала, у неё уже была персональная выставка в Перми и персональная выставка в тогда единственном в СССР Доме детского творчества в Тбилиси. Эта выставка прошла с огромным успехом и должна была отправиться в Париж. В это время нам дали на Наташу комнату, и вдруг появилась её родная тётка, которую мы шесть лет не видели, и сказала Наташе, что купит ей джинсы. Тогда джинсы были, как сейчас «Мерседес», наверное. Наташа ушла.

Когда мы её взяли, я серёжки продала, которые мне муж подарил, чтобы ей кровать купить и платье. А когда она желтухой болела, ей в больницу нужно было 40 дней яблоки носить, а яблоки в СССР в марте три рубля стоили. Я заложила обручальное кольцо, чтобы ей яблоки носить. Она говорила, что, когда она прославится, я буду только во французских платьях ходить, спрашивала:

«Тётя Нина, а если я стану художником номер три, как Матисс, ты будешь меня любить?» Я ей говорила, что, если она станет и художником номер три, и номер сто тридцать три, как Ван Дейк, и тысяча тридцать три, я всё равно буду её любить. Но тем не менее она ушла.

Я очень скучала без Наташи и без картин: мне казалось и темно, и скучно, я даже плакала. Потом я подумала: я ведь вместе с Наташей рисовала пальчиками! И решила тоже пальцами рисовать. Нет, сначала я рисовала кисточкой год или два, но получалось как-то слишком нежно, а жизнь-то трудная! Перестройка началась, было очень голодно. Я стала писать подушечками пальцев.

Мне казалось, что я свободу скидываю в картины. Могла писать по 40 в день! Слава, муж, мне говорил, что я с ума сойду или меня insult хватит, и я стала постепенно сокращать количество картин. Теперь я максимум 18 в день